

Настанет день, когда все скрытое окажется явным, и не найдется у человека помощника, способного изменить участь, уготованную ему.

Коран. Сура 86, «Ат-Тарик»

I. Ночь над Каиром

«Шахерезаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи». Давным-давно этими словами старый сказочник прерывал свой неспешный рассказ. На самом интересном месте. Как и сейчас, тогда до рассвета было далеко. Царила ночь, и наступало время ложиться спать.

На улицах Каира сейчас меняется вторая ночная стража. Самое глухое время. Ни огонька, ни души. Только шум ветра в листве и ленивая переключка караульщиков. Величайший из городов, украшение вселенной, спит сейчас там за горизонтом, у подножия усыпанного звездами ночного свода. Далеко во тьме мерцает цепочка огоньков — факелы всадников освещают путь свите султана Захира Баркука, который возвращается в свой дворец.

Я не видел его много лет. Хоть и жили мы в одном городе, но что за дело могущественному повелителю страны Миср, защитнику ислама, до торговца, пусть даже очень богатого? Наши пути проходят по разным местам и никогда не пересекаются. Почти никогда.

Сегодня он вдруг навестил меня. Неожиданно и без всякого предупреждения. Когда я увидел султана, идущего по обсаженной розами дорожке к моему дому, радость смешалась в моем сердце с грустью. Его борода была белой как снег, и я сразу понял, почему он приехал. Он приехал попрощаться. Сразу вспомнилось, что и моя борода такая же седая. Оба мы подошли к тому порогу, когда человеку больше хочется смотреть назад, чем вперед. Потому что почти все позади.

Баркук приехал, чтобы вспомнить прошлое. Хоть и не сказал об этом. Сегодня правоверные третий день отмечают праздник жертвоприношения Ид аль-Адха. За это время они уже угостили соседей и родных, друзей и нуждающихся. Возвращаются будни с их обыденностью и постоянством. Мне посчастливилось принять угощение от самого султана.

Повелитель приехал не один. Он прихватил с собой ходжу Мехмеддина Исмаила. Этот преисполненный всяческих достоинств муж неделю назад вернулся из далеких северных стран, куда он был направлен с посольством эмира Тулумена Алишаха. Ходжа побывал у самого золотого престола великого хана Улуса Джучи Тохтамыша и своими глазами видел его падение.

Мы сидели втроем за дастарханом под яркими звездами и слушали страшный рассказ ходжи. Про невиданную в кровопролитии и упорстве трехдневную битву на реке Терек, где сошлось войско Золотой Орды с армией Железного Хромца из Самарканда, когда удача клонилась то в одну, то в другую сторону и солнце победы светило то Тимуру, то Тохтамышу. Как закатилась счастливая звезда надменного хана и рухнуло под копыта врага его злосчастное царство.

I. НОЧЬ НАД КАИРОМ

Египетские послы едва унесли ноги. С большим трудом они сумели добраться до Каффы. Порт Тана в устье Дона уже стал пепелищем и обителью мертвецов, откуда можно теперь отплыть только в царство теней. Заняв огромные деньги у ростовщиков, посольство сумело попасть на корабль, унесший из этого горнила бед.

Спасавшиеся в Каффе от победоносного войска безжалостного Тимура рассказывали, что Тохтамыш с остатками приближенных бежал куда-то в северные леса, а неприятель гнался за ним по пятам, обращая земли на своем пути в пустыни, усеянные костями. Последним известием было, что железный эмир достиг земель русов, откуда повернул к стоящей на великой реке Итиль столице Золотой Орды Сараю.

Ночь была теплой, в листве перекликались ночные птицы, легкий ветерок доносил аромат цветов из сада. Было тихо и хорошо. Страшной сказкой, какими щекочут воображение скучающих завсегдатаев уютных базарных харчевен, казался рассказ ходжи.

— От русских к Сараю две дороги, — после недолгого молчания сказал султан, — одна через Укек, вторая через Бельджамен.

— Обе они идут через Мохши, — добавил я.

Мне все стало ясно. Почему султан вдруг приехал меня поздравить, зачем привез ходжу Исмаила. Он хотел вспомнить прошлое. Плевать, что тогда он не был султаном и у него не было даже халата, только ношенный тулуп из овечьей шкуры зимой и летом. Перед ним не расстилали вышитую шелками скатерть, не уставляли ее изысканными лакомствами. Все равно за прошедшие сорок лет Баркук так и не полюбил сладости, отдавая предпочтение жареному мясу, как в бедняцкой юности.

Мне было уже понятно, что он попросит дальше.

— У тебя есть венгерская вода?

Я засмеялся:

— Сейчас ее везде называют «вода венгерской королевы».

На лице султана не дрогнула ни одна жилка. Он так и не промолвил ни единого слова, даже не пошевелившись, пока по моему приказу слуга нес флакон с эликсиром. Баркук капнул себе немного на ладонь и поднес ее к лицу, закрыв глаза. Ничто так не оживляет память, как запах. Я понимал, что сейчас он унесся на сорок лет назад, в далекий северный город, затерявшийся в глухих лесах бескрайнего улуса Джучи.

Потом он сунул флакон за пазуху, быстро поднялся и стал прощаться. Путь до Каира неблизкий. Глядя на его ссутулившуюся под гнетом прожитых лет спину, я подумал, что, может быть, больше его не увижу. По крайней мере в этой жизни. Он султан, я купец. У каждого из нас своя дорога.

Приказав перенести кушанья на крышу, я поднялся следом и долго смотрел, как в темноте удаляются огни факелов. Теперь они едва мерцали, словно упавшие на землю звездочки.

Вот тогда мне и вспомнились слова из моего детства.

До рассвета еще далеко, а значит, не закончилось пока время сказочника.

Все земные судьбы изначально начертаны огненным каламом. Неспроста именно сейчас мне была прислана весточка из минувшего далека. Зачем? Когда рухнуло в прах великое царство и стали тенями его обитатели, руинами его города, почему эта весть через моря настигла меня в моем далеком уединении и пробудила воспоминания?

I. НОЧЬ НАД КАИРОМ

Может, для того, чтобы я не дал им уйти вместе со мной, а оставил грядущим поколениям? Если так, то сейчас самое время. До рассвета еще далеко. Нужно позвать писца с чернильницей и бумагой, и когда над пустыней начнет восходить солнце, на листы ляжет еще одна сказка, которую, возможно, рассказчик когда-нибудь прибавит к тем, что составляют драгоценное ожерелье Тысячи ночей.

Память моя ослабла. Давно минувшие события перемешались с недавними, былое с услышанным, прочитанным и приснившимся. Что с того? Ведь это будет сказка. Пройдет совсем немного времени, и уже никто не сможет разделить, что в ней правда, а что вымысел. Даже сейчас я не знаю, кто из участников этой истории жив, кроме нас с Баркуком. Да и нам осталось недолго.

Сорок лет назад в дремучих лесах у самых дверей Страны Мрака в царстве могучего хана Джанибека мне рассказали о мудреце, который много лет искал истину, иссушая свой разум науками, а закончил век простым сказочником, скрывая даже свое настоящее имя.

Да и что такое истина?

Вот я говорю, что история эта случилась сорок лет назад. Но сейчас на дворе 797 год от переселения Пророка нашего в Медину. А тогда был 756-й. Сорок лет я считаю по летоисчислению христиан. Так удобнее. Они меряют жизнь по солнцу, и март у них всегда весна, а январь — зима. Сейчас у них октябрь. Октябрь 1395 года. А тогда был март. Я точно помню, когда началась история, которую я собираюсь рассказывать. Третьего марта 1355 года. У нас это был месяц сафар. Она началась на этом самом месте, где я сижу сейчас. На крыше старого родового дома, куда меня позвал мой дед.

Тогда тоже была ночь. Здесь на крыше вообще мало что переменялось. Даже кресло, где сидел дед, старинное тяжелое широкое кресло из драгоценного черного дерева, стоит там же, где и тогда.

Мои предки всегда любили дорогие прочные и надежные вещи, которые пережили времена и поколения. Сам этот дом построен больше двух веков назад к югу от Каира, где мой прапрадедушка присмотрел красивое место, куда в пору разлива доходят воды Нила. О том, почему он не захотел жить в городе, а поселился в усадьбе на довольно приличном расстоянии от него, говорили разное.

Одно из семейных преданий гласило, что прапрадедушка часто проводил время среди безмолвных древних развалин, что лежат у самого края пустыни в паре фарсахов от нашей усадьбы. Искал не то сокровища, не то тайные свитки. Только что может найти маленький слабый человек среди этих поражающих воображение руин? Не для того древние мудрецы воздвигли эти горы из камня до самых небес, чтобы до их содержимого мог добраться простой смертный.

Хотя часто приходилось слышать рассказы о счастливицах, которые попадали там в таинственные подземелья, полные несметных сокровищ. Некоторым даже удалось выбраться на свет божий с мешком золота. А сколько их сгинуло безвестно в подземных лабиринтах, знают только злые духи пустыни, что прячутся среди мертвых камней.

Странная тяга к неизвестному вообще была у нас в роду. Может, она пошла от имени? Тарик. Меня наше родовое прозвище волновало с самого детства. Особенно то, что так называется одна из сур Корана. В ней говорится о звезде, манящей своим светом,

I. НОЧЬ НАД КАИРОМ

и о пути, предначертанном каждому от рождения до дня Суда.

Мне все время казалось, что в нашем имени кроется некий тайный смысл. Хотя мой дед, который, несмотря на свой великий ум, рассудительность и деловую хватку, был человеком веселого нрава и любил давать всему простые объяснения, часто говорил, что оно просто означает «ночной странник». Предки наши жили в Йемене и часто ходили с караванами. Иногда из-за сильной жары в пустыне идти приходилось по ночам. Отсюда и прозвище.

В детстве мне нравились рассказы о караванщиках, которые идут ночами, глядя на путеводную звезду. Часто, выходя ночью в сад или забираясь на крышу, я смотрел на бездонное небо, сияющее таинственными письменами, смысл которых способны познать лишь посвященные. Одни читают по ним пути караванов и кораблей, другие — судьбы людей и царств. Путешествующие по южным морям и пустыням всегда чтит звезду Сухейль. Ее еще называют Йеменской. Она указывает направление на юг.

Мои предки тоже жили на юге, в Йемене. В благословенной Счастливой Аравии. С незапамятных времен они торговали ладаном — драгоценной благоуханной смолой, которую собирают с деревьев в тамошних горах. Несколько веков купцы из рода Тарик везли его караванами в города Сирии и Египта. Может, и само имя их — это искаженное «тарин» — благовония? Кто знает.

Опять бесплодная любовь к мудрствованию уводит меня в сторону от прямого пути. Хотя так ли он хорош, этот самый прямой путь? Если идти по нему, то и в имени нашего рода тоже нет ни тайны, ни загадки. Звали

Тариком далекого предка — чего проще? Где тут сияющая звезда, указывающая путь каравану в бескрайней ночи? Сказочные благовония, нагруженные на спины неторопливых верблюдов? Утоптаннные веками караванные тропы? Ладанный путь — само название как волшебная сказка. Случайно ли он проходит через священную Мекку, Город Пророка и Иерусалим? До тех пор, пока в здешних краях не появились франки, мои предки каждый год проходили этот путь, словно совершая паломничество.

Потом времена поменялись. Армии рыцарей с крестами на плащах захватили святой город Иерусалим. Купцы, пилигримы, просто странники из закатных стран и раньше не были редкостью в сирийских портах, а теперь они стали хозяевами.

В соборах и церквях франков при богослужении курили ладан.

Один из моих предков сразу сообразил, что теперь можно торговать напрямую, и перебрался поближе к тамошним портам, в Египет. Дела сразу пошли в гору. Да и сама жизнь в Каире открывала невиданные доселе возможности.

Мудрейший ибн-Хальдун, часто устаивающий меня своей беседой, вспоминал, что, когда он еще жил в Магрибе, один путешественник сказал ему: «Воображение обычно превосходит увиденное воочию, ибо воображение безгранично, вот только Каир превосходит всякое воображение». Ведь это не только город чудес и богатств, это еще город знаний и наук.

Торговцы благовониями окунулись здесь в мир алхимиков и москательщиков. Этот мир, мало понятный непосвященным, изобиловал тайными тропами, которые нередко уводили в самые неожиданные места. Ароматы

I. НОЧЬ НАД КАИРОМ

и снадобья, загадочные эликсиры и чудодейственные бальзамы. Теперь помимо ладана на складах рода Тарик появились мускус и амбра, диковинные травы, а число служащих пополнили москательщики и аптекари. Покупателями теперь часто были евнухи, управляющие гаремами, дипломаты и иностранные гости.

Мой дед был очень богатым и влиятельным человеком. В ту пору, о которой пойдет речь, ему выпала нелегкая участь поднимать из руин вековое дело предков. За несколько лет до этого страшная эпидемия чумы оборвала нити бесчисленного количества человеческих жизней, смешав судьбы целых царств.

Я был еще мал, но хорошо помню тот ужас, который объял тогда всех. Обезлюдели города, тела валялись на улицах, и уже ни во что не ставились старые меры и ценности. Все думали, что настал конец света, и готовились только к худшему.

Всевышний милостив. Страшный мор ушел, мертвых похоронили, живые вернулись к своим заботам.

Торговле был нанесен огромный урон. Покупателей стало мало, мало товаров. Что-то сильно выросло в цене, что-то упало.

Я плохо представляю дела деда в это время. В меня, видимо, вселился дух моего любознательного прапрадедушки, и я с самого детства тянулся к знаниям и наукам. Заметив это, дед не стал требовать, чтобы я обучался наследственному ремеслу торговца, и отослал меня в медресе при мечети Аль-Азхар в Каире, где я и блаженствовал вдали от мирской суеты, среди мудрых книг и собеседников. Родителей моих унесла чума, но были другие внуки, которые со всем рвением готовились взять в свои руки семейную торговлю благовониями.

Поэтому, когда весной 756 года за мной прибыл посланец от деда с требованием немедленно приехать к нему, я удивился.

Тогда жизнь в Каире только-только вошла в прежнее однообразное русло после беспорядков осенью прошлого года, когда эмиры свергли султана Салиха и посадили на его место султана Хасана. В государстве всем стал заправлять главнокомандующий-атабек Шайчун. Нас, простых смертных, это мало касалось. Власть делили постоянно, на троне и возле трона все время что-то менялось. Мне и в голову не приходило, что срочный вызов как-то связан с придворными делами.

Отсюда начнется мой рассказ. Но перед этим я по старой привычке взгляну на звезды.

Как и тогда, светит на юге путеводная Сухейль, через весь небесный свод протянулся Соломенный Путь. Он уходит туда, где за утонувшим во тьме краем земли лежит холодная Страна Мрака, над которой царит неподвижная Альрукаба. О чем меня предупреждали в то время и что говорят теперь эти прекрасные вечные письмена?

Тогда была весна и не было видно одну из звезд, которая сейчас зловеще мигает мне с вышины. Имя ее Алголь. Злой дух. Блеск ее переменчив, и сегодня она сияет особенно ярко. Значит ли это, что сейчас в подлунном мире торжествуют силы зла? Звездочеты знают, что пройдет всего пара дней, и блеск ее уменьшится. А зла не станет меньше.

Светила не правят нашими судьбами. Они лишь помогают нам не заблудиться на этой грешной земле. Сказано: «Он поставил звезды для вас для того, чтобы по ним вы во время темноты на суше и на море узнавали прямой путь».

I. НОЧЬ НАД КАИРОМ

Мои предки в своих ночных странствиях по знойным южным пустыням всегда обращались к звезде Сухейль со словами: «Укажи нам путь!» Эти слова запали мне в душу с самого детства. Каждый раз в часы сомнений или при начале нового дела я повторял их как заклинание. Сорок лет назад я так же произнес их, хотя дорога моя лежала в противоположную сторону, в Страну Мрака, над которой царит недвижимая Альрукаба.

Вот и сейчас, обратив свой взор на север и устремившись туда мыслью и душой, прежде чем на бумагу лягут первые строки моего рассказа, я говорю: «Звезда Сухейль! Укажи мне путь!»